

СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

Владимиръ Ивановичъ
ГАРШИНЪ.

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Товарищество „Печатня С. П. Яковлева“. Большая Морская, № 58.

1885.

М Е С Т Ъ.

(Очеркъ Зырянскаго быта).

I.

Весна на сѣверѣ наступаетъ быстро... Еще пята дерева въ снѣгу, а на вершинѣ уже развертывается первый листокъ и свѣтитъ изумрудомъ на солнцѣ.

На ряду съ разцвѣтающими молодыми деревьями рушатся старыя пни и колоды. Вотъ дерево, въ которое когда-то ударила молнія и расщепила стволъ по срединѣ. Пришла весна. Но она не для него: ея ласки не возродятъ его. Голыя вѣтви торчатъ какъ прутья; кора посѣрѣла и сморщилась. Корни не тянутъ болѣе изъ земли питательной влаги, отъ которой надувается кора и наливаются почки. Жалкій остовъ дисгармонируетъ съ общеою картиною возрожденія. Напрасно дерево будетъ бороться со смертію: хирѣя все болѣе и болѣе, оно скоро погибнетъ; корни подгниютъ и подломятся. Дерево осядетъ и накренится. Первый порывъ сильнаго вѣтра и оно упадетъ, уступивъ мѣсто молодой поросли, которая уже пропустила свѣтлыя корни промежъ старыхъ и темныхъ. Жизнь идетъ, крича безжалостно: „прочь съ дороги, жалкій инвалидъ!“

А все, что способно къ жизни, спѣшить облечься въ зеленую нарядную одежду, чтобы торжественно встрѣтить праздникъ весны. Вотъ и листва развернулась, еще блѣдно-зеленая, тонкая, мягкая... Шумъ ея при вѣтрѣ тихъ и нѣженъ: листки будто еще учатся переговариваться между собою. Солнце пронизываетъ насквозь деревья въ лучами. Дерево, освѣщенное солнцемъ, даетъ прозрачно-кружевную тѣнь на землѣ. Воздухъ чистъ и прозраченъ. Небо блѣдно-голубое. Всѣ краски нѣжны и свѣтлы. Атмосфера напоена тонкимъ ароматомъ зелени и запахомъ согревающейся земли.

Птицы засновали взадъ и впередъ. Просыпается царь лѣса — медвѣдь и грузно поднимается изъ берлоги. Онъ сладко потягивается, расправляя отеки членъ и съ пріятностью нюхая свѣжій воздухъ. Зарыскало веселѣе мелкое звѣрье. Все ожило и зашевелилось.

А весна идетъ съ веселой улыбкой на молодомъ челѣ. И вотъ, мало по малу листва деревьевъ становится гуще, ея окраска ярче. Снѣгъ окончательно стаяваетъ и на его могилѣ вырастаетъ трава. Кое-гдѣ она начинаетъ блестѣть желтыми глазками одуванчиковъ, бѣлыми колокольчиками ландышей, синими и красными цвѣтами. Словно природа — этотъ великій художникъ — по однообразному зеленому фону сдѣлала тамъ и сямъ нѣсколько небрежныхъ яркихъ мазковъ кистью. Они такъ и остались пятнами, придавая общему виду болѣе жизни и разнообразію.

Солнце дольше засматривается на землю. Лучи его горячѣе. Деревья уже раскинули въ лазурной выси цѣлый шатеръ изъ листьевъ, въ тѣни котораго человѣкъ можетъ укрыться отъ полуденнаго зноя. Вся растительность достигаетъ полнаго цвѣта... Наступаетъ лучшая пора года на сѣверѣ: уже тепло, а еще нѣтъ ни „солнечнаго пекла“, ни докучливой мошкеры и комаровъ, отъ которыхъ плохо защищаютъ и зырянскіе „накомарники“¹.

Стояла именно эта благодатная пора.

Было утро. Недавно взошедшее солнце освѣщало лишь вершины деревьевъ розовымъ свѣтомъ. Роса въ видѣ чистыхъ слезъ повисла на листьяхъ. Обмытые — они казались прозрачными. Хвоя рѣзко выдѣлялась темною окраскою. Лишь концы вѣтвей были свѣтлы, точно надставленные. На небѣ — ни облачка. Деревья стояли не шелохнувшись. Тишина лѣса нарушалась рокотомъ ручья, низвергающагося со стремнины въ оврагъ, гдѣ онъ бѣжалъ по дну, теряясь въ почвѣ, — да разнородными голосами птицъ, привѣтствовавшихъ утро. Оба берега оврага были круты, поднимаясь неровными возвышенностями и образуя на своемъ протяженіи нѣсколько „лысыхъ маковокъ“. Такимъ образомъ почва казалась какъ бы взрытою гигантской лопатою, при чемъ земля легла какъ попало. Бугры раздѣлялись между собою провалами, ямами и ровными гладями...

Въ свѣжемъ воздухѣ разливался смолистый ароматъ, струившійся отъ сосенъ. Онъ былъ униженъ мягкими иглами, въ видѣ свѣчей: — это будущія шишки. Бѣлозеленныя, прямостоящія — онѣ по-

¹ Это — капоръ изъ холста; онъ опускается на грудь, плечи и спину; отверстіе для лица обшивается волосяной сѣткой.

крыли деревья отъ маковокъ до конца вѣтвей. Испаренія отъ земли на солнцѣ смѣшались съ запахомъ смолы, въ видѣ ошмѣи курившейся въ необозримомъ храмѣ природы. Это грандіозное зрѣлище свойственно лишь сѣвернымъ лѣсамъ сплошной хвои, тянущейся безъ перерыва на нѣсколько верстъ. Картина—дорогая для сердца Зырянина—сына лѣсовъ, гдѣ онъ проводитъ половину своей полуномадской жизни. Грубое дитя природы, далекій культуры,—онъ любить свои угрюмые лѣса и въ свободную минуту по долгу сидитъ на одномъ мѣстѣ, слѣдя за плывущими облаками, вперивъ взоры въ куну сосенъ, вдыхая ихъ ароматъ, прислушиваясь къ шороху бѣлки, къ крику пугача, къ пѣснѣ малиновки, къ монотонной долбнѣ дятла, къ журчанью лѣснаго ключа... Зырянинъ—поэтъ въ душѣ; въ охотѣ, помимо матеріальной выгоды—онъ видитъ наслажденіе. Трудъ земледѣльца слишкомъ будниченъ для него; охота же—съ ея тревогами и приключеніями—сильнѣе говоритъ его сердцу. Зырянинъ—коми-мортъ (лѣсной человѣкъ)—чуждъ полю. Его стихія—лѣсной океанъ, гдѣ легко затеряться, погибнуть, но гдѣ самая опасность таитъ въ себѣ чарующую прелесть. Моряка убаюкиваютъ морскія волны, Зырянинъ засыпаетъ сладко подъ шумъ сосенъ и кедровъ.

Въ то самое утро, съ котораго начинается нашъ разсказъ, на самомъ высокомъ бугрѣ описанной мѣстности, стоялъ молодой Зырянинъ, одѣтый въ широкіе холщевые штаны и такую же рубаху, въ самодѣльной шляпѣ на головѣ... Онъ жадно глядѣлъ на растиравшуюся мѣстность, надъ которою господствовала возвышенность... Онъ былъ не въ обычномъ настроеніи духа, что и отражалось на широкомъ, нѣсколько скуластомъ лицѣ, съ маленькимъ носомъ и большимъ ртомъ, и дѣлало это загорѣлое лицо, обрамленное жидкою растительностью, менѣе некрасивымъ. Раздвинувъ немного ноги, Зырянинъ походилъ на какое-то каменное изваяніе, сдѣланное рукою самоучки-скульптора, — грубое, аляповатое, но крѣпкое. Парень былъ коренастъ и повидимому своею мощью не много уступалъ медвѣдю. Нѣсколько сутуловатая, широкая спина съ выдавшимися лопатками, говорила о способности вынести какую угодно тяжесть. Большія руки и ноги съ желѣзными мускулами просили работы и отрицали усталость... Въ немъ все было топорно, но сильно и прочно. Онъ являлся какъ бы олицетвореніемъ физической силы. Но въ этомъ большомъ и нескладномъ тѣлѣ—жила душа способная наслаждаться картинами природы, доступная впечатлѣніямъ прекраснаго...

Не вдалекѣ отъ бугра виднѣлась лѣсная тропинка, змѣей извивавшаяся между деревьями. Она вела къ деревнѣ, расположенной за нѣсколько верстъ. Отведя свой взглядъ отъ ближайшей картины, Зырянинъ устремилъ его въ даль, гдѣ острое зрѣніе отлично различало на горизонтѣ лѣсной поселокъ. Онъ долго смотрѣлъ туда — и его лицо озарилось мимолетною нѣжною улыбкою, за которой слѣдомъ пробѣжала по лицу тревога. Она перешла снова въ задумчивое спокойствіе и парень тихо опустился на землю. Онъ легъ на животъ, подперъ подбородокъ руками, и устремилъ глаза вдоль лѣсной тропинки.

II.

Онъ лежалъ не двигаясь, упорно глядя по одному направленію, и какъ бы прислушиваясь... Онъ ждалъ кого-то навѣрное...

Лицо было спокойно и не выдавало внутренней тревоги и тѣхъ думъ, чтó одна за другою проносились въ головѣ парня. Онъ приготовился къ рѣшительному шагу, бросая на ставку — свое счастье... Онъ уже давно боролся самъ съ собою, — боясь этого рѣшительнаго момента... Красавица сосѣдняго поселка, полногрудая Одэ — завладѣла сердцемъ трудолюбиваго, но неуклюжаго и некрасиваго Пэдэра... Она — полонила его мысль, его думы, его покой и сонъ... На охотѣ, въ самый горячій моментъ, парень вдругъ опускалъ свою винтовку, отдаваясь думѣ о красивой зырянкѣ. Онъ билъ птицу съ мыслию объ Одэ, съ мечтою о ней же рано подымался съ жесткихъ наръ пывзана и съ тѣми же мечтами возвращался въ него... Когда товарищи, поужинавъ плотно, забавлялись шутками и разсказами на сонъ грядущій, — Пэдэръ молча сидѣлъ въ углу и думалъ о дѣвушкѣ, рисуя себѣ ея дорогой образъ... Привыкшій съ дѣтства къ лѣсу — онъ тосковалъ въ немъ по Одэ, которой приносилъ лучшую добычу въ подарокъ... Дѣвушка брала, но не дѣлалась къ нему ласковѣе... Правда, иногда она будто мягче относилась къ своему поклоннику, но и въ этой мягкости звучала всегдашняя насмѣшка, которая временемъ превращалась въ жесткое и безсердечное глумленіе... Чаше всего Одэ вовсе не замѣчала влюбленнаго Пэдэра, оказывая вниманіе болѣе красивымъ и въ особенности — красавцу, ловкому стрѣлку Петырю... Но и этотъ не могъ похвастаться побѣдой: властная лѣсная красавица круто держала себя относительно всѣхъ парней, и сегодняшняя ласковая улыбка еще не

мѣшала завтрашнему грубому и рѣшительному: „убирайся къ Ягъ-Морту!..“ Но на долю Пэдэра не выпало ни одной такой улыбки, за то онъ видѣлъ много насмѣшекъ, слышалъ не мало колкихъ рѣчей. И все-таки онъ продолжалъ любить Одэ. Онъ жилъ надеждою, вынося оскорбленія. Эти послѣднія словно укрѣпляли еще любовь его... Онъ не смѣлъ прямо приставать къ дѣвушкѣ, но ходилъ за нею всюду, ища случая играть вмѣстѣ и быть близко... Онъ замѣтилъ и почувствовалъ расположеніе Одэ къ Петырю... Но онъ надѣялся взять верхъ надъ бѣднымъ и лѣнивымъ красавцемъ...

У Пэдэра былъ одинъ пріятель, — не другъ даже, а только хорошій пріятель. Онъ разгадалъ чувства Пэдэра и сказалъ какъ-то ему:

— Что-жъ ты думаешь, Пэдэръ, на счетъ Одэ?

— А что?

— Да я такъ полагаю: лови урку (бѣлку), пока она прыгаетъ на волѣ... Изъ чужихъ сѣтей --- брать не придется!

— Я и не возьму чужой добычи, отвѣтилъ Пэдэръ.

— Такъ ты, стало быть, не хочешь ее бить изъ своей винтовки.

— Я не сказалъ этого.

— Не думаешь-ли ты, что она будетъ сидѣть и дожидаться тебя на одной и той-же вѣткѣ? Охотниковъ много, гляди!

— Я знаю.

— Не упусти... Не вдали отъ тебя — Петырь... Онъ ужъ давно прицѣлился и пожалуй выстрѣлитъ прежде тебя...

— Авось промахнется!...

— Не спорю...

На этомъ разговоръ пріятелей и кончился... Вскорѣ вдругъ началъ ходить слухъ по околотку, что Петырь намѣренъ сватать Одэ.

Это извѣстіе всколыхнуло Пэдэра... Въ самомъ дѣлѣ: урка можетъ быть подстрѣлена раньше... Парень рѣшился—поставить вопросъ прямо... Коли любить Петыря—такъ и конецъ всему, а если еще можно—онъ употребитъ всѣ усилія... Онъ не будетъ молчать болѣе... Онъ все ей скажетъ...

Однако, онъ боролся самъ собою и медлилъ больше недѣли... Но весна все сильнѣе и сильнѣе волновала его кровь, ея чары опьяняли его и пересилили робость... Онъ дали ему — языкъ и смѣлость — и онъ рѣшился объяснить все Одэ. Онъ зналъ, что она каждый день носитъ пищу отцу, работавшему въ лѣсу, — и сталъ ее подкарауливать. Но три дня онъ напрасно ждалъ ее. Она почему-то не приходила. Сегодня — онъ въ четвертый разъ вышелъ на свой постъ

— и, стоя на бугрѣ, увидѣлъ издалека фигуру Одэ. Онъ лежалъ теперь въ ожиданіи ея приближенія.

Вотъ раздался невдалекѣ трескъ сухаго валежника подъ чьими-то шагами. Черезъ нѣсколько мгновеній — и шаги стали явственнѣе. Еще никого не было видно, когда раздался, уже совсѣмъ близко, за купю сосенъ, женскій голосъ, пѣвучій и мелодичный, какъ лѣсной потокъ. Онъ пѣлъ одну изъ зырянскихъ пѣсенъ, что-то въ родѣ гимна красотѣ и ловкости молодаго охотника. Звуки этого голоса нарушили спокойствіе Пэдэра. Страсть мелькнула въ его глазахъ и нервною дрожью пробѣжала по всему тѣлу, отразилась на лицѣ, заливши его волною здоровой крови.

Онъ быстро поднялся съ земли и соскочилъ съ бугра.

Въ эту минуту изъ-за сосенъ по тропинкѣ показалась высокая, статная дѣвушка, лѣтъ 17, въ бѣлой холщевой рубахѣ, съ ситцевыми рукавами, сверхъ которой былъ накинута ситцевый-же сарафанъ. Голову прикрывалъ яркій платокъ, изъ подъ него спускалась густая русая коса, съ вплетенною въ нее голубою лентою. Дѣвушка несла въ одной рукѣ небольшую корзину, а другою помахивала въ тактъ.

Пэдэръ остановился на тропинкѣ, впиваясь глазами въ приближавшуюся дѣвушку. Она шла, сперва не замѣчая его, продолжая пѣть. Но вотъ она подняла голову, увидѣла парня, и — остановилась. Одно мгновеніе, и темныя брови, правильными дугами расположенныя надъ выразительными голубыми глазами, нахмурились. Но онѣ сейчасъ-же разгладились, какъ-бы подѣ влияніемъ другой мысли, прогнавшей нервую, и дѣвушка, хлопнувъ себя по ногѣ свободною рукою, воскликнула насмѣшливо:

— Ты что тутъ караулишь, Лѣсной красавецъ? Ужъ не меня-ли ждешь?

Она подошла близко къ парню и, смѣясь, хотѣла пройти далѣе, — но Пэдэръ заступилъ ей дорогу своей мощной фигурой.

— Одэ, промолвилъ онъ такимъ тономъ, будто однимъ этимъ словомъ хотѣлъ выразить все, что таилось у него на душѣ.

— Что тебѣ? кинула дѣвушка.

— Одэ, выслушай меня...

Онъ попробовалъ было положить руку на плечо дѣвушки, но она отстранилась отъ него, воскликнувъ съ грубой насмѣшкой:

— Куда полѣзъ? Плечо отлочишь, черная немочь, (медвѣдь). Ну, чего тамъ еще... Говори скорѣй, мнѣ не досугъ, да и не сладко говорить-то съ тобою...

— Одэ, промолвилъ парень, какъ-бы съ трудомъ, призывая на помощь всю смѣлость, и не слыша только что сказанной рѣзкости: — Одэ, выходи за меня!...

Дѣвушка громко захохотала.

— Ахъ, чучело лѣсное, да ты никакъ съ ума спятилъ! воскликнула она съ явнымъ пренебреженіемъ: — али ты распотѣшить меня хочешь?

Этотъ хохотъ нервно передернулъ личные мускулы Падэра, но онъ подавилъ въ себѣ всю боль, почувствованную отъ насмѣшки, и промолвилъ мягко, тономъ ласковой молебны:

— Одэ, не до шутокъ мнѣ теперь... И зачѣмъ ты говоришь такъ? Твои слова — лзвять мое сердце больнѣе, чѣмъ пуля...

— Такъ ты и вправду это? удивилась дѣвушка.

— Кто-жъ въ шутку говоритъ такъ? Я давно хотѣлъ сказать... давно...

— Такъ вотъ зачѣмъ ты ходилъ всюду за мною... Ахъ ты медвѣдь, медвѣдь!...

Одэ покачала головою съ пренебрежительнымъ сожалѣніемъ и снова расхохоталась...

— О, воскликнула она вдругъ: — и онъ меня спрашиваетъ... Да что тутъ еще: такой красавецъ — и не выходитъ за него!... Одна нога — тяжелѣй всей медвѣжьей туши... Гдѣ съискать другаго такого красавца писанаго... Развѣ что Ягъ-Мортъ былъ лучше тебя...¹

Каждое слово Одэ — какъ раскаленные щипцы ущемляло сердце парня...

— Одэ, Одэ, — мѣняясь въ лицѣ, перебилъ онъ: — не бей птицъ, связавши ей крылья!... Ты много ужъ разъ обижала меня... за что, за что?... Но я не помню тебѣ за это... я видишь говорю тебѣ прямо... Что-жъ худаго говорю я?... О, тебѣ хорошо будетъ... Я не пьяница... Я умѣю работать... Не пожалѣю себя для тебя... Я сошью тебѣ шубку изъ чистыхъ лисицъ... Изъ урокъ шубку сошью... Я схожу за Камень (за Уралъ) и добуду тебѣ соболя... Всѣ лѣса исхожу — а ужъ добуду... Ты не будешь знать *качи* (хлѣба изъ лихтвой коры)...

— Ты не вѣришь? воскликнулъ онъ, принявши насмѣшливый

¹ Ягъ-Мортъ — полумифическое лицо, живущее въ преданіи, по словамъ котораго Ягъ-Мортъ былъ безобразнѣйшій и кровожадный колдунъ — разбойникъ, жившій въ лѣсу.

взглядъ дѣвушки за выраженіе недовѣрія:—ты не вѣришь? О, я не лгу—Одэ!... Я не умѣю лгать... Что обѣщаю—я то исполню...

Онъ выпрямился, и сознаніе внутренняго достоинства сообщило его нескладной натурѣ какое-то своеобразное благородство.

— Ты говоришь, что я—медвѣдь, произнесъ онъ съ горечью:—что же: медвѣдь—не волкъ и не лисица, Одэ!.. Медвѣдь—честный звѣрь! Онъ не знаетъ лжи... прямо идетъ на охотника... На него можно положиться больше, чѣмъ на волка... Волкъ—подлый звѣрь, хотя быстрый и ловкій... Я не волкъ, Одэ!...

— Будетъ тебѣ хвалиться-то, перебила его вдругъ дѣвушка:—откуда и слова взялись! Все время молчалъ, только ходилъ словно тѣнь какая за мной,—а тутъ и языкъ объявился...

— То не языкъ говорить, Одэ, вырвалось у Пэдэра:—сердце мое говорить! Полонила ты его, словно птицу въ силки... Отняла у меня сонъ и разумъ...

— Оно и видно, засмѣялась дѣвушка:—былъ бы разумъ—не сталъ бы приставать съ таковыми рѣчами... Ишь росписалъ какъ себя... Бѣлъ снѣгъ—да не вкусенъ... Слыхалъ? И ты тоже: хорошъ, да не любъ...

— Отчего это, Одэ?...

— Вотъ дурень!... да оттого что не по сердцу... Отчего малиновка не ластить ворона, аль лисица медвѣдя?

— Не пара, стало, я тебѣ?

— А то что-жъ, ты думалъ? дерзко кинула Одэ:—пара мнѣ! Можетъ, ты давно не видѣлъ себя... Ступай-ка поглядишь въ рѣчку лучше!

И она съ презрительнымъ пренебреженіемъ окинула фигуру парня, который дѣйствительно являлся полнымъ контрастомъ съ нею.

Статная, высокая, съ полнымъ лицомъ, съ небольшимъ, но красивымъ лбомъ, со щеками, на которыхъ яркимъ заревомъ пылалъ румянецъ, съ полными малиновыми губами, при разговорѣ обнажавшими два ряда крѣпкихъ, будто слоновой кости, изъ-желта бѣлыхъ зубовъ,—Одэ была положительной красавицей... Когда она смѣялась, на щекахъ образовывались соблазнительныя ямочки. Ото всей фигуры лѣсной красавицы вѣяло энергіей и силой. Сознаніе своей красоты—жило въ душѣ Одэ, и выражалось въ гордой увѣренной поступи, въ свободныхъ, ловкихъ движеніяхъ и въ рѣзкомъ тонѣ, который усвоила она вообще по отношенію мужинъ... Одинаковымъ тономъ говорила она и съ Петыремъ—какъ-бы боясь иначе дать ему возможность считать себя побѣдителемъ... И этотъ тонъ

съ человѣкомъ, который ей нравился, всего болѣе сбиваль съ толку простого, довѣрчиваго Пэдэра...

Дерзкій вызовъ, брошенный теперь дѣвушкою прямо въ лицо парню, ошеломила его на мигъ; Одэ удалилась уже на нѣсколько шаговъ, когда онъ, встрепенулся и быстрыми, неуклюжими прыжками бросился за ней въ догонку и остановилъ ее.

— Да что ты ошалѣлъ въ самомъ дѣлѣ? уже сердито крикнула дѣвушка:—ночевать что-ли съ тобой въ лѣсу?... Что еще выдумалъ!

— Одэ, прерывающимся голосомъ промолвилъ парень: — такъ ты не хочешь... говори прямо...

Дѣвушка посмотрѣла на него глазами, полными недоумѣнія.

— Да ты, я вижу, глупѣе, чѣмъ я думала, сказала она съ досадою:—ужъ объявила вѣдь. Да и не видишь развѣ самъ: кабы согласилась, такъ не говорила бы съ тобой!

— Такъ не пойдешь... нѣтъ? а за него пойдешь? выкрикнулъ Пэдэръ и глаза его сверкнули.

— Про кого это ты говоришь? спросила Одэ. — Ты поешь?

— Самъ знаю, — глухо отозвался парень.

— Что же ты знаешь? наступила на него дѣвушка... Ну, говори!

— Что знаю!... воскликнулъ Пэдэръ съ оттѣнкомъ отчаянія и злобы:—а то, что тебя хочетъ сватать Петыр!... вотъ что!...

— Ну, что-жъ, коли хочетъ... Пускай сватаетъ!...

— И ты пойдешь?

— А можетъ и пойду, отчего нѣтъ? вызывающе промолвила Одэ, съ дерзкой, насмѣшливой улыбкой глядя въ лицо парня...

— Пойдешь?

— Пойду! уже утвердительно и еще вызывающѣе повторила Одэ... Вѣдь онъ не чета тебѣ... Онъ строенъ какъ сосна; крѣпокъ, какъ кедръ; ловокъ, какъ урна.—Его взглядъ остеръ, какъ взглядъ ястреба... Онъ румянъ и ясенъ, какъ заря; гибокъ, какъ лоза... а ты, ты?

— Замолчи! закричалъ Пэдэръ, задыхаясь и хватая за руку Одэ:—замолчи а то худо будетъ!...

Глаза его метнули молніи и зрачки округлилось.

— О, да никакъ ты запугать хочешь! захохотала дѣвушка:—не на такую напалъ!... Русскую бы пугалъ лучше... Я не пуглива... Ишь, Ягъ-Мортъ какой: и съ лаской-то постылъ, а онъ еще съ угрозой... пусти, медвѣдь!...

Она вырвала у него руку и пошла.

— Нѣтъ, ты не пойдешь за этого волка! закричалъ Педѣръ:— я не пушу тебя!...

Одѣ остановилась и обернулась лицомъ къ нему... Вся ея фигура теперь олицетворяла собою вызовъ.

— Ты? ты непустишь? произнесла она, едва владѣя собою:— хотѣла бы я посмотрѣть, что ты сдѣлаешь мнѣ?

— Не тебѣ... нѣтъ...

— А кому же?

Она подошла ближе.

— Я... я... убью его!... выговорилъ Педѣръ съ яростью.

Дѣвушка задрожала, но не отъ испуга, а отъ злобы,— подошла совсемъ близко къ парню, впиалась въ него глазами, полными презрѣнія и ненависти.

— Что ты сказалъ? Ты убьешь Петыря?... Да?... такъ что же ты думаешь,—тогда я пойду за тебя? Да я умру сама, а ужъ задашу тебя... вотъ этими самыми руками задавлю тебя... Слышишь?

Корзина выскользнула на землю при этой фразѣ, которую Одѣ произнесла почти шепотомъ, хотя ей казалось, что она крикнула громко.

Вся взволнованная, тяжело дыша, она быстро подняла корзину съ земли и крупными шагами пошла впередъ.

Педѣръ стоялъ нѣсколько минутъ на одномъ мѣстѣ, понутивъ голову. Потомъ онъ поднялъ глаза, какимъ-то страстно-отчаяннымъ взглядомъ посмотрѣлъ на удалявшуюся Одѣ, и бросился снова за нею.

— Одѣ, Одѣ!... воскликнулъ онъ, подбѣгая къ дѣвушкѣ: — прости, не сердись... не я сказалъ это... не я... горе мое вызвало эти слова...

— Одѣ, продолжалъ онъ тѣмъ же молящимъ и страстнымъ голосомъ, идя съ нею рядомъ: — не ходи за Петыря... не ходи... Онъ лѣнтяй, онъ лукавъ, какъ лиса, вѣроломъ, какъ волкъ... Тебѣ худо будетъ съ нимъ... Онъ красивъ... Одѣ, но не всѣ травы въ лѣсу красивы—полезны... Ядъ во многихъ... Онъ убьетъ тебя, лаская... Онъ выпьетъ блескъ твоихъ глазъ поцѣлуями... Онъ измѣной изсушитъ тебя—слѣзы состарятъ тебя... Онъ будетъ тебя кормить *качей*... Пропадетъ твоя красота... силы и здоровье—украдетъ онъ... За что ты будешь любить его?... За что отдашь ему свою красоту? Онъ волкъ, волкъ... бѣги его!...

Пэдэръ остановился и хотѣлъ удержать дѣвушку.

— Прочь, проклятый! закричала Одэ съ отвращеніемъ:—я не могу видѣть тебя болѣе... Уйди!... Я умру скорѣе, чѣмъ выйду за тебя... Что мнѣ твои ласки, когда онѣ хуже побоевъ... Любить тебя... о, никогда!... Лучше смерть отъ голода...

И она снова задрожала при одной мысли о возможности подневольныхъ ласкъ, задрожала, охваченная ужасомъ отвращенія.

— Знай, вдругъ промолвила она, останавливаясь и устремивъ на Пэдэра въ упоръ горящій злобный взглядъ: — знай, что я скорѣй умру и... убью себя, чѣмъ сдѣлаюсь твоей женою... Не подумай сватать и уластить отца...

Она сказала это прерывающимся голосомъ и пошла... Пэдэръ не двигался... Его лицо перекосилось, глаза загорѣлись страшной злобой, но не той, которая вонзаетъ ножъ въ сердце врага, а злобой, способной долго таиться, выжидать, и уже затѣмъ съ наслажденіемъ упиться чувствомъ мщенія.

— О, погоди же!... чуть слышно, блѣдными, дрожащими губами прошепталъ Пэдэръ.

Постоявъ съ минуту на мѣстѣ, они повернулъ въ сторону и пошелъ въ чащу, съ какимъ-то ожесточеніемъ ломая вѣтки, попадавшіяся на пути. Емуказалось, что онѣ ломаютъ что-то живое, чувствующее боль,—и это доставляло ему сладкое удовлетвореніе.

Вернувшись къ полдню домой, Пэдэръ отказался отъ обѣда. Сказавши домашнимъ (онѣ жилъ съ сестрой вдовой и племянникомъ), что пойдетъ пострѣлять, онѣ вскинулъ на плечо винтовку, и ушелъ въ лѣсъ.

Четыре дня бродилъ онѣ изъ конца въ конецъ по лѣсному раздолью, онѣ билъ все, что ни попадалось ему на глаза; билъ не ради добычи, но чувствуя непреодолимую потребность бить, пролить кровь, точно ея хотѣлъ залить огонь, который разогрѣла въ немъ Одэ своимъ отказомъ, своими ядовито-рѣзкими рѣчами. Пэдэръ не чувствовалъ усталости, и цѣлый день ничего не ѣлъ.

У него два раза мелькнула мысль—вернуться въ поселокъ и убить Петыря,—и каждый разъ его удерживало чувство любви къ Одэ. Онѣ и любилъ ее, и хотѣлъ отомстить ей. Любовь не позволяла убить Петыря, потому что это могло убить и Одэ; онѣ не хотѣлъ ея смерти. Но чувство мести также возвышалось

свой голосъ. Бродя по лѣсу, стрѣляя птицу и звѣря, отдыхая на берегу ручья, на лѣсныхъ пригоркахъ, Пэдэръ думалъ объ одномъ: какъ отомстить гордой красавицѣ?

— Она отказала мнѣ; она предпочла Петыря... Надо сдѣлать такъ, чтобы она пожалѣла объ этомъ... но какъ сдѣлать?

Мысль работала въ одномъ направленіи,—и вдругъ въ тотъ самый мигъ какъ Пэдэръ заряжалъ ружье, чтобы подстрѣлить дикую утку,—въ его головѣ мелькнулъ планъ мести: Пэдэръ забылъ о звѣрѣ, и опустилъ винтовку на землю... „Въ самомъ дѣлѣ такъ хорошо!“ Мысленно прошепталъ онъ... „Да, хорошо... уйти далеко, далеко, чтобы не видѣть ея счастья, не бередить раны“... уйти и работать... Работать безъ отдыха, не зная праздника, разгула, ото всего отказаться,—во всемъ себя сдерживать... Работать и копить деньги! А потомъ..

Его глаза заблистали отъ удовольствія.

— А потомъ—разсуждалъ онъ про себя: накопивъ деньги, явиться на родину... Пускай Одэ—очень красива...

Его сердце сжалось отъ рѣзкой боли при этомъ...

— Пускай Одэ красивѣе всѣхъ.... но все же не она одна... Есть же красивыя дѣвицы. Взять себѣ жену—и зажить на зависть всѣмъ,—а главное на зависть ей, Одэ. Петырь—лѣнтяй. Петырь мотъ. Одэ не можетъ быть съ нимъ счастлива... Онъ скоро ее разлюбитъ... Она будетъ жить въ бѣдности, пожалуй даже въ нищетѣ... А онъ одѣнетъ свою жену—лучше всѣхъ... Онъ ее окутаетъ въ соболь... Онъ не дастъ ей омочить рукъ въ воду... Пусть все видитъ Одэ, и пусть завидуетъ, проклинаетъ свою долю, терзается отъ того, что отвергла его, Пэдэра... Онъ увидитъ ея мученія, ее—въ лохмотьяхъ и полуголодную, ее—гордую, дерзкую красавицу... Увидитъ и унется ея униженіемъ, отомститъ за все, что вынесъ теперь отъ нея... О, какъ хорошо это...

Парень злобно захохоталъ и будто почувствовалъ облегченіе отъ горя, отъ той раны, которая ныла и горѣла въ его груди. Чѣмъ болѣе онъ думалъ, тѣмъ сильнѣе укрѣплялась въ немъ мысль, и тѣмъ болѣе онъ успокоивался.

На пятый день, онъ направился къ дому.

Злой судьбѣ захотѣлось еще разъ нанести острый ударъ Пэдэру. Въ то самое время, когда онъ подходилъ къ лѣсной опушкѣ, за кустами онъ услышалъ чей-то тихій говоръ. Голосъ по-

казался ему знакомымъ; онъ остановился, какъ вкопанный. Черезъ минуту до его слуха донеслись слова Одэ:

— Еще что надумалъ... Нашелъ къ кому ревновать!... Да, ты больно-то воли не забирай.... коли хочу — люблю тебя, а нѣтъ — только и видалъ...

Въ отвѣтъ послышался тихій шепотъ и затѣмъ раздался сочный поцѣлуй.

Дико загорѣлись глаза Пэдэра и онъ съ ловкостью кошки, тихо, не слышно подкрался къ кустамъ.

На травѣ сидѣла Одэ, и рядомъ съ нею, обнявши ее, Петыръ — высокій стройный парень, съ бѣлымъ румянымъ лицомъ, обрамленнымъ цѣлою шапкой черныхъ кудрей. Красивыя дуги черныхъ бровей рѣзко оттѣняли бѣлизну и свѣжесть его молодого лица. Онъ глядѣлъ страстными глазами на Одэ, во взглядѣ и въ лицѣ которой, не смотря на сказанную фразу, свѣтилась тоже кипучая страсть. Дѣвушка разгорѣлась, ея щеки пылали, полная грудь высоко подымалась подъ тонкой холщевой рубахой.

Ихъ губы снова слились въ горячій, долгій поцѣлуй...

Еще минута — и Пэдэръ, можетъ быть, забылъ бы о своемъ планѣ... Онъ уже осторожно снялъ винтовку съ плеча...

Но въ этотъ мигъ Одэ, отстранившись отъ Петыря, промолвила громко.

— Однако, пора... Отецъ ждетъ меня давно...

И она поднялась, а за нею всталъ Петыръ.

Они обнялись и пошли по тропѣ въ лѣсъ...

Вскочившій Пэдэръ, скинулъ винтовку, провожая ихъ ревнивымъ взглядомъ. Ему нельзя было выстрѣлить: Одэ закрывала собою парня настолько, что въ нее легко могла попасть пуля... А пока Пэдэръ выжидалъ, мысль о другой мести — снова взяла верхъ надъ мгновенною вспышкой страсти.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо... Потомъ, послѣ, произнесъ онъ вслухъ, надѣвая винтовку на плечо.

Тяжело дыша, онъ направился къ дому.

Черезъ два дня — онъ покинулъ поселокъ.

III.

Зырянскія керки (избы) строятся исключительно изъ соснового лѣса, и кроются на два ската. Къ лицевой сторонѣ керки

пристроивается крыльцо, большею частію на столбцахъ. Съ крыльца входятъ въ сѣни, имѣющія около сажени ширины, и какъ корридоръ, раздѣляющія двѣ избы, состоящія изъ особыхъ срубовъ. Со стороны крыльца онѣ забираются бревенчатою стѣною, а съ противоположной нерѣдко открыты. Печь въ избѣ, битая изъ глины, лежанкой упирается въ противоположный переднему уголъ, который освѣщается особымъ окномъ, называемымъ *надчерь-ошенъ*. Оно очень практично: въ избѣ отъ него бываетъ гораздо свѣтлѣе, да и можно у него что нибудь работать, на-примѣръ женщины шьютъ; поэтому въ зимнее время нерѣдко въ избѣ, если семья большая, горятъ два свѣта: внизу и вверху; керки настолько высоки, что на палатахъ и на печкѣ свободно можетъ стать взрослый человѣкъ.

Точно такая же керка, по общему типу, — возводилась, на мѣсто старой и развалившейся—въ небольшомъ поселкѣ... Только керка строилась массивнѣе всѣхъ своихъ сосѣдей и украшалась кое-какими узорами, чисто русскаго характера. Всякій разъ, когда обитатели поселка проходили мимо строившейся керки, они останавливались у нея не надолго и молча глядѣли на работу трехъ здоровыхъ мужчинъ, изъ которыхъ одинъ былъ самъ хозяинъ возникавшаго жилья...

— И повезло же ему, замѣчалъ кто нибудь коротко.

— Да, еще короче слышалось въ отвѣтъ.

Случалось, что самъ хозяинъ оторвавшись на время отъ работы подымалъ голову и замѣчалъ жителей... Тогда они, съ легкимъ поклономъ, не мѣняя выраженія лица, спокойно говорили громко:

— Помоги тебѣ Св. Стефанъ.

— Будь и онъ съ вами, отвѣчалъ хозяинъ, кланялся не снимая шапки и снова принимался за работу.

Она кипѣла быстро. Словно и не три человѣка работали, а цѣлая артель. Хозяинъ—молчаливый и сосредоточенный въ себѣ, мало разговаривалъ, но хлопоталъ энергично, работалъ не уставая, точно спѣшилъ куда, точно съ окончаніемъ керки, должно было настать для него земное счастье, или онъ держалъ споръ и строилъ, чтобы выиграть пари. Его суровая и широкая, неуклюжая фигура—вся дышала энергіей; топоръ какъ бы живой стучалъ по бревнамъ... Рано подымался хозяинъ и, не дожидаясь рабочихъ, уже возился на постройкѣ... И только когда вся работа утихала и ночь спускалась на землю, онъ уходилъ

въ маленькій срубленный шалашикъ, чтобы сномъ подкрѣпить свои силы... Въ первое время—а постройка началась съ ранней весны—онъ сейчасъ же ложился спать и вставая съ утренней зарей, — сразу принимался за работу... Но затѣмъ съ вечера прежде чѣмъ лечь, онъ около часа проводилъ въ раздумьи, сидя у стола или выходя на улицу и смотря куда-то вдаль... И чѣмъ далѣе—тѣмъ сильнѣе какъ-то охватывали его думы, онъ началъ просиживать на улицѣ по цѣлымъ часамъ, задумывался нерѣдко на работахъ и въ его хлопотливой энергіи стало замѣчаться что-то намѣренное, какъ будто онъ хотѣлъ работою разогнать неотвязныя мысли

Но онъ былъ, видимо, сильнѣе его. Принявшійся жадно за постройку, онъ ее кончалъ съ замѣтной апатіей, точно въ его душѣ свило себѣ гнѣздо сознаніе сдѣланной ошибки. Однако, и въ эту пору выпадали дни, когда онъ оживлялся попрежнему, въ глазахъ начинало свѣтиться тоже упорство, тоже торжествующее чувство, съ которымъ онъ принялся за дѣло, и которое торопило его, руководя всѣми дѣйствіями съ перваго шага. Полный этого чувства—остановился онъ противъ своей керки, когда она была вся готова, когда послѣдній гвоздь былъ уже вколоченъ на свое мѣсто. Какъ полководецъ, выигравшій битву, взявшій неприступную крѣпость,—вошелъ онъ, по необруннымъ еще „лѣсамъ“ на крышу керки—торжествующимъ взоромъ обвелъ вокругъ себя,—и затѣмъ устремилъ его по направленію бора... Его губы были сжаты, и на нихъ застыла побѣдная, злобно-радостная улыбка.

— Достигъ... не даромъ десять лѣтъ не зналъ отдыха... вотъ теперь можно будетъ насладиться...

Онъ еще продолжалъ смотрѣть на лѣсной боръ, когда вдругъ страшная мысль, уже давно смущавшая его покой и ослаблявшая энергію,—во всей своей силѣ возсталъ въ его сознаніи. Точно кто-то захотѣлъ зло посмѣяться надъ нимъ, и въ тотъ самый моментъ, когда онъ хотѣлъ праздновать побѣду,—поднесъ ему кубокъ съ ядомъ.

— Насладиться? ты думаешь насладиться? заговорилъ внутренній голосъ. — Да развѣ ты видишь счастье? Не домъ, а гробъ — выстроилъ ты себѣ... Гробъ, гробъ, — и въ немъ ты похоронишь самого себя...

Ужасъ охватилъ рослаго, сильнаго Зырянина — и точно толкаемый невѣдомой силой, онъ сбѣжалъ по качавшимся доскамъ — на землю. Онъ опустился на одно изъ лежавшихъ бревенъ... Лицо его

сдѣлалось мрачно, глаза потускли, съ губъ исчезла торжествующая, злобная улыбка.

— Это вѣрно, вѣрно, — продолжалъ внутренній голосъ... Не найдешь ты себѣ — счастья...

Онъ нервно передернулъ плечами, поднялъ голову, — и сейчасъ же снова опустилъ ее, облокотясь на колѣни.

И вотъ передъ нимъ пронеслось все прошлое....

Оскорбленный, униженный, онъ бросаетъ свою деревню, и идетъ на чужбину, полный одного желанія — отомстить той, которая такъ безжалостно посмѣялась надъ нимъ. Это чувство было его единственнымъ другомъ въ одиночествѣ, въ длинной дорогѣ, въ теченіи десятилѣтней трудной, можно сказать, каторжной жизни. Десять лѣтъ — непрерывнаго труда на баркахъ и пароходахъ, на заводѣ и въ плотничьей артели, въ дыму кузницы и среди землекоповъ... Десять лѣтъ — одинъ среди толпы, одинъ со своимъ чувствомъ, которое одно утѣшало въ разлукѣ съ родиной, поддерживало въ невзгодахъ, сообщало силу и терпѣніе. Онъ не забылъ ее, — нанесшую ему рану въ сердце, — нѣтъ!... воспоминаніе о ней доставляло ему наслажденіе... И чѣмъ далѣе шло время, чѣмъ ближе подходилъ къ цѣли, тѣмъ чаще любилъ думать о ней, уже предвкушая наслажденіе...

Ему дивились всѣ его товарищи.

— Это не человѣкъ, а чортъ, говорили одни.

— И когда онъ спитъ? спрашивали другіе.

— Онъ изъ желѣза!... соглашались всѣ.

Они не знали его тайны. Не знали, что не желѣзные мускулы дѣлали его упорнымъ, а то чувство, которое жило въ его сердцѣ и питало его нечеловѣческую энергію.

И вотъ прошло десять лѣтъ; это — большой срокъ въ человѣческой жизни... Друзья дѣлаются — врагами, любящія сердца — возгораются злобою... Нерѣдко картина измѣняется настолько, что ее нельзя совершенно узнать... За эти годы — онъ, покинувшій родину ради мести, постарѣлъ и согнулся; за это время — онъ потерялъ сестру, умершую отъ оспы и племянника, задраннаго медвѣдемъ на охотѣ. Объ эти вѣсти онъ встрѣтилъ не безъ грусти, но какъ-то апатично, словно чувство, прогнавшее его на чужбину, — настолько овладѣло имъ, что убило въ немъ всѣ остальные чувства. Онъ зналъ, что та, которая потоптала его любовь, несчастна въ замужествѣ: бѣдность и безпутства мужа выпали ей на долю... Его

предсказанія сбылись—и онъ былъ радъ этому... Пусть, пусть... онъ покажетъ ей, чего она лишилась, что оттолкнула отъ себя...

Онъ уже достаточно прикопилъ денегъ,—и его потянуло на родину, по которой онъ давно скучалъ... Гдѣ бы ни былъ зырянинъ, какъ бы ни было хорошо ему на чужбинѣ, но при первой возможности онъ спѣшитъ вернуться подъ родныя сосны...

Получивши расчетъ, онъ возвращался на родину, съ нажитымъ капиталомъ и со старой местию въ груди... Моментъ, котораго онъ ждалъ такъ долго и такъ жадно—приближался. Онъ почти достигъ уже цѣли... Онъ въ состояніи выстроить хорошую керку; для него найдется молодая жена; онъ заживетъ богато, на зависть гордой красавицѣ, отвергнувшей его десять лѣтъ тому назадъ, и теперь переносящей нужду, пьянство и измѣну мужа. О, какъ же онъ отомститъ ей за всѣ свои униженія. Онъ ничего не пожалѣетъ для той, которую возьметъ въ жены... Онъ одѣнетъ ее лучше всѣхъ!... Онъ заведетъ пару лошадей... Будетъ кататься съ ней... Онъ найметъ работницу... Заведетъ полное хозяйство... Пусть, пусть та—терзается отъ зависти и поздняго раскаянія!... Неужели она такъ любитъ мужа, что не пожалѣетъ и теперь? не можетъ быть!... Она—горько раскается за прошлое...

Но найдетъ ли онъ по сердцу жену себѣ? будетъ ли онъ любить ее? мелькнула у него мысль, когда онъ торопливой походкой приближался къ родному поселку.

„О, что за важность... Отчего не полюбить молодой жены? Да и зачѣмъ ему любить? Развѣ это важно теперь? Ему нужно только отомстить за свое оскорбленіе! Не въ любви, такъ въ мести онъ найдетъ себѣ уладу. Местъ замѣнить ему радости любви... Вся его любовь къ оскорбившей красавицѣ — переродилась въ месть—все, все... онъ десять лѣтъ признавалъ это и сознаетъ теперь... Она же именно она—все таки дастъ ему счастье. Если не въ любви, такъ въ отмщеніи, но счастье! И это счастье онъ получитъ черезъ нее... Да, да...

Онъ—на родинѣ. Одинъ, совсѣмъ одинъ. Сгорбленный, постарѣвшій, годный въ отцы тѣмъ дѣвушкамъ, которыя десять лѣтъ тому назадъ были его сверстницами и теперь бы могли быть женами... Онъ не хочетъ идти туда, гдѣ живетъ его обидчица,—въ нуждѣ, въ разлукѣ съ мужемъ, ушедшимъ вотъ ужъ болѣе года куда-то и не подающимъ о себѣ извѣстія... Онъ торопливо принимается за постройку керки и весь уходитъ въ занятія... Онъ не

ищетъ жены... зачѣмъ? Долго ли это сдѣлать? Ему вѣдь все равно—кто и гдѣ... Онъ никого не любитъ...

Постройка растетъ... Но—странное дѣло—чѣмъ дальше подвигается она, тѣмъ задумчивѣе и сумрачнѣе становится ея владѣлецъ. Невольная мысль, доселѣ какъ-то притаившаяся на днѣ души, вдругъ начинаетъ тревожить его. Онъ жилъ местию, для нея ушелъ далеко, и вотъ теперь—когда онъ почти у цѣли—онъ вдругъ начинаетъ сознавать, что эта месть едва ли дастъ ему удовлетвореніе и то наслажденіе, для котораго онъ такъ много терпѣлъ!...

„Какъ? а для чего же онъ убилъ десять лѣтъ въ трудахъ, для чего онъ эти десять лѣтъ не зналъ ни покоя, ни удовольствій? для чего онъ состарился прежде времени и согнулся подъ тяжестью этихъ десяти лѣтъ?“

Онъ испугался такого сознанія, и захотѣлъ убѣдить себя, что все это ложь, заставилъ себя еще съ большею энергіею уйти въ работу по постройкѣ... Онъ думалъ намѣренно разжечь въ себѣ еще сильнѣе чувство мести... Напрасно!... Ужасная мысль все болѣе и болѣе овладѣвала имъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—развивалась она въ умѣ: — ты не добьешься счастья... не дастъ тебѣ его месть! Ты выстроишь домъ—хорошо... что же дальше? кого ты введешь въ него? Чужую женщину, далекую твоему сердцу—которая выйдетъ за тебя ради твоихъ достатковъ, но которая не будетъ и не можетъ любить тебя—постарѣвшаго, годнаго ей въ отцы... Что же дастъ тебѣ семья? Ты будешь одинъ въ этомъ домѣ, одинъ связанный вѣчно съ женщиной, тебя не любящей и тебѣ чужой! Ты не керку выстроишь себѣ, а гробъ, и въ немъ ты похоронишь свое счастье! Вотъ если бы ты ввелъ въ домъ ее, Одэ!... не лги: ты ненавидишь ее? да, но не оттого ли такъ сильно и ненавидишь, что безумно любилъ раньше и до сихъ поръ еще не изгналъ любви изъ сердца? Не любовь ли прикрылась ненавистью? Развѣ тебѣ не жаль ее? Развѣ ты будешь вполнѣ счастливъ, заставивъ ее завидовать и страдать? Пусть, она будетъ ломать руки, проклиная свой поступокъ—что тебѣ? Довольно ли этого съ тебя? Вотъ еслибы ты могъ стать снова вполнѣ счастливымъ, еслибы въ керку ввелъ ты и покой и любовь, тогда бы... но вѣдь ничего этого не будетъ у тебя? Насладишься ли ты одною местию? Можетъ быть, сначала она и доставитъ наслажденіе... пусть такъ... а затѣмъ? Потомъ ты все таки одинъ, и ужъ месть перестанетъ доставлять тебѣ наслажденіе... Что же останется для тебя? Что? кѣмъ и чѣмъ будешь жить? для чего жить? Гробъ, гробъ.

Чѣмъ дальше—тѣмъ неотвязчивѣе дѣлались эти мысли... Послѣ минутнаго торжества надъ ними—еще болѣе подпадалъ онъ подъ ихъ вліяніе. Но вотъ, все готово... онъ почти уцѣли... И вдругъ, въ тотъ самый моментъ, когда онъ долженъ праздновать начало побѣды, ужасная мысль во всей силѣ возсталала въ сознаниі, всего охватила его... И эти слова гробъ, гробъ, а не керка, такъ громко прозвучали въ его ушахъ, что ему показалось, будто ихъ кто-то крикнулъ съ воздуха... И онъ съѣхалъ съ верху керки, и опустился въ изнеможеніи на бревно...

Онъ сидѣлъ убитый, раздавленный роковымъ сознаниемъ... Для чего же, для чего-жь—онъ столько перенесъ?!. Жить десять лѣтъ одной мыслию, терпѣть, бороться, снѣшить домой, чтобы насладиться за долгія муки, почти всего уже достичь и вдругъ... О, что за новая насмѣшка!.. Что за страшное мученіе!.. Что же дѣлать? привести въ исполненіе?.. Нѣтъ, нѣтъ!.. но...

Его голова пошла кругомъ... Словно кто сжалъ ее клещами... Сердце готово было разорваться отъ глухихъ, отчаянныхъ рыданій...

— Что же это такое? воскликнулъ онъ.

Онъ поднялъ голову—и вздрогнулъ. Къ нему подходила бѣдно-одѣтая женщина, ведя за руку маленькую дѣвочку... Онъ узналъ въ ней ту, которая зажгла въ его сердцѣ любовь, превратившуюся въ месть...

Онъ не узналъ, а скорѣе сердцемъ почувствовалъ, что это—она; такъ сильно измѣнилась гордая лѣсная красавица за десять лѣтъ.

IV.

Передъ нимъ остановилась сухошавая женщина, съ плоскою грудью, съ желтымъ лицомъ, по которому нужда и кручина провели длинныя морщины. Свѣжаго, плѣнительнаго румянца не осталось и слѣда... И только взглядъ темныхъ глазъ остался прежній, да также хороши были дугообразныя брови...

Какъ уколотый, вскочилъ онъ съ бревна, и точно замеръ вшившись глазами въ женщину. Прошло всего одно мгновеніе, прежде чѣмъ она заговорила, но въ это мгновеніе порядочнымъ вихремъ пронеслось въ его памяти все прошлое, что было десять лѣтъ назадъ и въ эти годы; сердце какъ бы успѣло въ этотъ мигъ пере-

жить и всю любовь, и всё униженіе, отозвалось біеніемъ на страсть и ненависть. Чувства, самыя разнородныя, борясь между собою, смѣняли другъ друга,—перепутали всё мысли. Все это выразилось въ игрѣ личныхъ мускуловъ, въ блескѣ глазъ,—взволновало и потрясло всего его. Онъ хотѣлъ что-то сказать,—и не могъ,—точно лишился способности говорить.

— Падѣрь, тихо вымолвила женщина.

Ея все еще звучный и мелодичный голосъ по прежнему ласкалъ слухъ, напоминая все прошлое.

Что-то рѣзнуло, укололо его сердце,—и вдругъ этотъ уколъ будто разбудилъ мстительное чувство, притихшее и побѣжденное недавними мыслями.

Женщина робко, покорно заговорила; она не молила о прощеніи, но самая ея рѣчь была уже этой мольбою... Она могла тронуть очень холоднаго человѣка и между тѣмъ произвела совершенно противное дѣйствіе на того, къ кому относилась. Чѣмъ болѣе онъ смотрѣлъ на женщину, тѣмъ суровѣе становилось выраженіе его лица, тѣмъ злобнѣе дѣлался блескъ его глазъ. Онъ чувствовалъ, что съ каждымъ ея словомъ точно входитъ въ его сердце новая капля желчи, словно каждый звукъ ея голоса рвалъ на части его сердце,—и что-то внутри его требовало отмщенія за эту боль, за это мучительное ощущеніе. Передъ нимъ стояла она—его Ода, за которую десять лѣтъ тому назадъ онъ былъ готовъ отдать жизнь, и которую возненавидѣлъ потомъ всею душою. Недавно, нѣсколько минутъ всего до ея прихода, сидя на бревнѣ, онъ сознавалъ, что месть—не даетъ счастья, что напрасно столь многимъ пожертвовалъ онъ ей. А теперь вдругъ онъ почувствовалъ, что въ мести—глубокое невыразимое счастье, и онъ жадно захотѣлъ испытать это наслажденіе мести... Все потухло и замерло кромѣ мстительнаго чувства... Онъ слышалъ только одинъ его голосъ. Ни эти блѣдныя черты изнеможеннаго, когда-то милаго лица, ни эти звуки дорогаго нѣкогда голоса, ни прелестное личико дѣвочки,—ничто не въ силахъ было побѣдить этотъ голосъ... Напротивъ! Все это точно еще болѣе раздувало въ сердцѣ пламя злобы!..

Его била лихорадка, когда онъ, сдѣлавъ шагъ впередъ, промолвилъ съ отѣнкомъ злорадства въ голосѣ:

— Такъ вотъ какъ мы свидѣлись, Ода!.. Какъ я говорилъ—такъ и случилось... Ты пришла ко мнѣ... сама... Ты, промѣнявшая меня на лукаваго волка, на хищнаго ястреба, который заклевалъ тебя, высосалъ твою кровь, и бросилъ!.. Ты говоришь, что

онъ ушелъ и вотъ уже болѣе года нѣтъ его?.. продолжалъ Пэдэръ и голосъ его сдѣлался громче и рѣзче:—что же ты не пошла за нимъ? Что же ты не отправляешься искать его по лѣсамъ? Можетъ быть, уже его нѣтъ?.. Вороны клюютъ его черные глаза, что ты такъ любила... Волки рвутъ на части его бѣлое, красивое тѣло? Что-жъ ты медлишь? Иди, иди!.. Обними его, цѣлуй... авось твои ласки оживятъ его! вдругъ уже закричалъ Пэдэръ, и жилы на его лицѣ напряжились, налились кровью, глаза сверкнули бѣшенно злобой.

— Иди туда... Оставь медвѣдя и посыллага Пэдэра!.. Зачѣмъ ты пришла къ нему и привела съ собою ребенка, ирижитого съ волкомъ? Или, можетъ быть, ты еще мало насмѣялась, такъ еще хочешь—пришла показать дитя, въ жилахъ котораго течетъ кровь твоего ястреба? За этимъ пришла? Да?..

Онъ дѣлался страшнѣе отъ злобы, перекосившей его лицо и залившей глаза кровью...

Одэ опустила голову и молчала. Дѣвочка плотно прижалась къ ней, ухватившись руками за платье.

— Зачѣмъ ты пришла? заговорилъ снова Пэдэръ дрожащимъ голосомъ, все болѣе и болѣе поддаваясь охватившему его чувству:—Зачѣмъ? Или ты думаешь, что медвѣдь вѣрный, честный звѣрь и все еще любитъ красавицу? да? Ха, ха, ха!.. захохоталъ онъ дико:—красавица! Гдѣ она? Гдѣ твоя красота, Одэ? На кого ты походишь? Ты—старуха, ты хуже меня... Онъ укралъ твою красоту... укралъ твои силы, здоровье,—и... бросилъ! И ты пришла ко мнѣ теперь, ужъ ему не нужная... никому не нужная... пришла, потому что медвѣдю, уроду, что надо? все годится!.. Онъ радъ будетъ... ха-ха-ха!.. нѣтъ, ошиблась, Одэ, ошиблась... Не нужно мнѣ тебя... не нужно... на тебѣ еще слѣды видны его поцѣлуевъ!.. Помнишь, ты посылала меня на рѣку—посмотрѣться... Посмотри сама теперь... Твое лицо пожелтѣло... кости выставились... Это онъ, волкъ, съѣлъ твое мясо... Это отъ его поцѣлуевъ—ты желта.... Онъ заласкалъ, зацѣловалъ тебя своими волчьими губами... ха, ха, ха...

Голосъ его пресѣкся—и онъ не могъ продолжать...

— Я не затѣмъ пришла; ты не справедливо говоришь, возразила Одэ тихо, съ болью въ голосъ:—зачѣмъ я тебѣ?.. Ты не волкъ—самъ говоришь... ты не возьмешь чужого, какъ всякій честный Зырянинъ... Зачѣмъ?.. Въ нашихъ лѣсахъ еще много

дичи и звѣря... въ керкахъ немало красивыхъ дѣвицъ... Я сказала зачѣмъ пришла!.. Ты знаешь, какъ теперь мало хлѣба... Кача, кача... ахъ, я не себѣ прошу! нѣтъ, нѣтъ! воскликнула она,—замѣтивъ движеніе Падэра:—я ей, ей только (она показала рукой на дѣвочку)... Она не вынесетъ качи... Она ни въ чемъ не виновата, Падэръ... дочь за мать не отвѣчаетъ... Прости, что я оскорбила тебя тогда... Но, я достаточно наказана... Я прошу тебя за ребенка!..

— За ребенка? воскликнулъ Падэръ, а развѣ это не его ребенокъ? развѣ не онъ обязанъ его кормить? И зачѣмъ ты пришла ко мнѣ... отчего не къ другимъ?

— Къ кому идти? отвѣтила Одэ; вздыхая:—у всѣхъ нашихъ мало... у всѣхъ семьи... а ты одинъ... и богатъ, закончила она медленно и съ горечью въ дрожащемъ голосѣ...

— Богатъ? одинъ? протянулъ Падэръ,—сверкая глазами:—а! Ты узнала... Ты это узнала... и не спросишь какъ легко досталось это богатство?.. Каково жилось медвѣдю тѣ годы, когда ты ласкала на мягкой груди хищнаго ястреба!.. Богатъ! одинъ!.. а развѣ я долженъ вѣчно оставаться одинъ?.. Для тебя развѣ я копилъ деньги?.. Богатъ и пришла!..

— Повѣрь, перебила его Одэ,—и въ ея голосѣ зазвучало что-то похожее на старую гордость:

— Повѣрь, Падэръ, если-бы я была одна—я бы ни за что не пришла... но вотъ она... для нее... на что ради ребенка...

— Что мнѣ за дѣло до нее!... Закричалъ Падэръ весь дрожа:—что мнѣ до того, что она умретъ... пусть, пусть издыхаетъ волчье отродье... пусть это терзаетъ тебя... что мнѣ? развѣ ты пожалѣла меня тогда? что мнѣ тебя жалѣть?... Я говорилъ что ты погибнешь... такъ и вышло!... Тебѣ нечѣмъ накормить ребенка... А будь это мое (онъ остановился на одинъ мигъ отъ волненія)... будь мое, говорю, я бы нашелъ... да!... а теперь... теперь ничего нѣтъ у меня, ничего... уйди!... уйдите прочь!...

Онъ сдѣлалъ жестъ рукою какъ-бы отталкивая ихъ.

Одэ подняла на него свои черные глаза—и ихъ взгляды встрѣтились.

— Падэръ, проговорила она съ видимымъ трудомъ:—мы съ тобой расцѣпились... я оскорбила тебя тогда... такъ!... теперь ты спокоенъ отплатилъ мнѣ... Ты правъ... Суди Богъ и св. Стефанъ насъ обоихъ!... Но ты... ты не дашь умереть ей... нѣтъ, ты не

отдашь смерти моего ребенка... это мое дитя... не только его... но и мое, Пэдэръ... Посмотри... Посмотри на нее—вся трепещущая воскликнула Одэ, выталкивая впередъ дѣвочку:—развѣ не я это... Развѣ у ней есть хоть одна черта его!... Пэдэръ, Пэдэръ!... со слезами воскликнула она:—это дитя мое, твоей Одэ... неужели ты отнимешь его у меня?...

И она упала на колѣни, рыдая...

— Мама, мама!... заплакала дѣвочка и ухватила за шею Одэ...

Пэдэръ почувствовалъ, что онъ задыхается... Кровь бросилась въ голову—а сердце мучительно заныло,—сжалось отъ боли,—и любовь,—та любовь, которая замолкла въ немъ, придавленная злобой,—вдругъ воскресла, воспрянула и горячей волной залила все существо... Эта волна согрѣла душу, пробудила ее, и затушила злобу... Она вылилась вся въ ядовитыхъ рѣчахъ... Местъ удовлетворилась... И заговорила любовью... Пэдэръ снова почувствовалъ, что ему близка эта бѣдная, убитая нуждою женщина... Ему больно стало, что онъ такъ терзалъ ее словами, ее и безъ того истерзанную нуждою, хитрымъ, подлымъ волкомъ... Но онъ и самъ не знаетъ, какъ это случилось... Онъ увидѣлъ ее *такою*, и ему стало сразу больно... „Но вѣдь это произошло оттого, что она предпочла Петтир!“ Эта мысль, больше чѣмъ воспоминаніе о прошлыхъ мукахъ и униженіи—подняла въ душѣ Пэдэра накопившуюся злобу... Когда же она овладѣла имъ—онъ уже не принадлежалъ себѣ, онъ былъ весь въ ея власти, ея работъ... И она диктовала ему ядовитыя рѣчи,—она, злоба—говорила его языкомъ!...

А теперь? Теперь...

Онъ вдругъ схватился обѣими руками за голову, и самъ зарыдалъ.

— Одэ, Одэ!... только и могъ выговорить онъ.

Одэ съ дочерью перешла жить въ керку Пэдэра. Онъ сдалъ ей все хозяйство. Вотъ уже прошелъ годъ—онъ не женился, и не думаетъ жениться... Но Одэ ему не жена... Онъ ласковъ съ нею,—но говоритъ мало, мало бываетъ и дома... Дѣвочка привыкла къ нему... И онъ любитъ держать ее на колѣняхъ... Но ни разу онъ не поцѣловалъ ее... Случается, онъ долго, долго смотритъ на дѣвочку,

за тѣмъ вдругъ спускаетъ ее со своихъ колѣнъ и отрывисто, глухо говоритъ ей:

— Уходи, уходи скорѣй, Лузя!...

И его лицо, за минуту еще доброе и ласковое, дѣлается мрачнымъ и злымъ.

Онъ тяжело, глубоко вздыхаетъ, и, захвативши винтовку, на нѣсколько дней уходитъ въ лѣсъ...

О Петырѣ — никакого слуха.

Александръ Кругловъ.